

Петр Гулько

«Это же рука Паганини!»

Ах, Одесса! Только побывав в этом городе, вдохнув пьянящий аромат одесских акаций и прислушавшись к легкому плеску морской волны, можно увидеть уходящий вдаль краешек белого паруса, синеву ослепительного черноморского неба и по-настоящему ощутить солнце над головой! Оно разливается по всему городу: и по Потемкинской лестнице, и по улицам Старопортофранковской и Ришельевской...

Ах, Одесса! Город, прославленный своими сынами! Без Одессы не было бы Бабеля, Ильфа и Петрова, Паустовского, Багрицкого, как не было бы Ойстраха, Гилельса, Рихтера...

Сеня, Сенечка, дорогой! Имя Семена Исаевича Снитковского для нас – одесских мальчиков, отданных служению музыке, – было легендарным, знаковым. А мне повезло больше других: я оказался в числе его родственников, слышал рассказы высоких статных родителей Сени – тети Муси и дяди Исаи – о том, как им удалось сделать сына знаменитым. Тетя Муся говорила, что Сенечка в детстве не хотел пикивать часами на скрипке, а мечтал, как все мальчишки, гонять мяч во дворе. Чтобы заставить сына заниматься скрипкой, приходилось привязывать его к стулу!

Но вот Сенечка начинает одерживать блистательные победы на конкурсах, и весь город – ох уж эти одесситы! – гордится им. Сначала – престижное первенство на конкурсе Энеску в 1958 году, потом – лауреатство на брюссельском конкурсе Королевы Елизаветы в 1963! Чего стоит фото в семейном архиве, где Семен запечатлен с самой королевой – восторженной поклонницей его незаурядного таланта! (Неужели для того, чтобы стать таким же знаменитым, как Сеня, надо было привязывать себя к стулу?!)

Совсем недавно мне довелось побывать в гостях у сына Семена Исаевича, Александра Снитковского, замечательного скрипичного лекаря-реаниматора-реставратора, человека, который возвращает старинным скрипкам их подлинный голос. От него я услышал еще одну удивительную историю из семейных преданий.

В те достославные времена, накануне Второго конкурса Чайковского 1962 года, министр культуры Е.А. Фурцева вызвала к себе на прием нашего Сенечку, прошедшего на конкурс под первым номером. Красивая, умная и доброжелательная Екатерина Алексеевна, ласково взглянув на Сенечку, сказала: «Дорогой Семен, наш разговор – абсолютно между нами. Вы идете первым номером на крайне важный для нас конкурс. Я очень уважаю ваш талант, но поймите меня правильно: к огромному нашему сожалению, мы не можем на этом конкурсе по ряду причин дать заслуженное вами первое место». Повисла трудная, тяжелая пауза. «Но, – сказала далее Екатерина Алексеевна, – грядет весьма значимое для страны событие – идеологически важный для нас и чрезвычайно ответственный конкурс Королевы Елизаветы в Брюсселе. Нам хотелось бы на этом конкурсе победить. Так что постарайтесь, пожалуйста, дорогой товарищ Снитковский!»

И, как мы уже говорили, Семен Снитковский постарался, и очень важная для Советского Союза медаль была завоевана!

Ах, эта знаменитая школа профессора Столярского и великие ученики Петра Соломоновича – такие, как Ойстрах, Ямпольский и Мордкович, у которого мне, кстати, тоже довелось поучиться (но, наверное, мало просто привязывать человека к стулу, нужно, чтобы у него было еще что-то от Бога)! Один из лучших учеников Мордковича и Ойстраха, «внук» Столярского, Семен Снитковский достойно продолжил славные традиции.

Так получилось, что, приехав к Давиду Федоровичу в Москву, Семен пришелся ему по душе и после аспирантуры стал его

ассистентом. В семейном кругу Снитковских часто повторялись слова, сказанные Ойстрахом: «Сеня, ну какая же у тебя кисть – это же рука Паганини!». Когда же Давид Федорович ушел из жизни, многие из его учеников перешли в класс Семена Исаевича. Ему еще не исполнилось 40, а он уже был профессором двух всемирно известных консерваторий – московской и будапештской!

...Звезды не выбирают место, где им зажигаться и гореть; звезды не выбирают время, когда они уносятся в бескрайние просторы неба...

Ах, Сенечка, дорогой Семен Исаевич, ты – по-прежнему наша легенда и наша гордость!

Москва

